

В. А. Карелин

**НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ: ПИСЬМА
ПРОФЕССОРА-СЛАВИСТА ОЛАФА БРОКА
АКАДЕМИКУ А.А. ШАХМАТОВУ (1889–1919)**

Сравнительно недавно в Осло филологи специальным симпозиумом отметили «Столетие славянских исследований в Норвегии»¹. Юбилейное событие оказалось неразрывно связано изучением вклада в норвежскую славистику Олафа Брока — ученого-лингвиста, основоположника описательной фонетики славянских языков, историка и переводчика². Считается, что он заложил в Норвегии фундамент академического изучения славянских языков³. В России этого ученого, к сожалению, знают гораздо меньше. Как теперь становится ясно благодаря ряду вновь вводимых в оборот источников, он, кроме того, был весьма активен в поддержании и развитии российско-норвежских научных, культурных и общественных связей.

В числе упомянутых источников можно указать на обширную переписку и бумаги Брока, хранящиеся в его личном фонде в Национальной библиотеке в Осло⁴. В Российской национальной библиотеке в Петербурге выявлен интересный документ, датированный летом революционного 1917 года, — рукопись статьи Олафа Брока, посвященной его русскому коллеге академику А.А. Шахматову⁵. Но более всего интересна в данном случае их переписка. Она охватывает 30-летний период — с 1889 по 1919 год — и служит ярким свидетельством трогательной дружбы и длительного и тесного сотрудничества двух замечательных ученых⁶. Общий объем писем Брока, адресованных его русскому корреспонденту, составляет свыше 450 листов. Часть переписки выполнена на почтовых открытках. Однако автор покрывал их столь бисерным почерком, что умудрялся таким образом вмещать целые послания.

Письма норвежского ученого служат своего рода летописью, фиксирующей главные вехи академического и личного общения партнеров, реализации разного рода совместных проектов. До 1892 года они дают представление почти исключительно лишь о научных делах и связях корреспондентов, их семейных новостях. Затем — с 1892 по 1914 год — Брок в переписке все больше и больше затрагивает актуальные вопросы политического положения России. Его, человека передовых взглядов, вдохновил растущий общественный подъем, демократические завоевания первой русской революции, но крайне расстроило последовавшее затем наступление в стране политической реакции. В пору Первой мировой войны переписка, несмотря на трудности военного времени, оставалась очень интенсивной. Но в силу цензурных условий автор в письмах ограничивался по преимуществу делами академическими и личными.

Наиболее любопытным в письмах, на наш взгляд, является материал, который свидетельствует о том, что Брок, движимый незаурядным гражданским темпераментом и прогрессивными симпатиями (либерально-реформистские по характеру, они были близки настроениям самого Шахматова), стремится оказывать посильную поддержку видным представителям кадетской партии (более всего П.Н. Милюкову).

Политические убеждения Олафа Брока во многом были предопределены его происхождением, образованием и средой. Родился он в зажиточной семье — отец был торговцем и владел пивоварней. В 1885 году Брок успешно окончил в Христиании престижную, элитарную кафедральную школу (осн. 1153 г.). После чего по желанию отца отправился в Россию⁷. «Летом 1887-го, — писал он в воспоминаниях, — я приехал в Москву для изучения русского языка с рекомендацией профессора Упсальского университета Лунделя». В Москве дружеский кружок Корша, Слуцкого и Фортунатова тепло принял молодого норвежца. У них он впервые встретился с А.А. Шахматовым (которому друзья дали прозвище «наш enfant phenomalen»). Алексей Александрович был старше Брока всего на три года, и, вероятно, это помогло сближению, которое затем переросло в дружбу. А.А. Шахматов в 1891 г. пригласил молодого норвежца (к неописуемой радости последнего) погостить летом в свое саратовское имение Губаревку.

Вернувшись на Норвегию и окончив в 1893 году университет, Брок решил посвятить себя изучению славянских языков. В Лейпциге, куда молодой человек направился, чтобы получить научную подготовку, его учителем стал известный профессор-славист Лескин. Затем, уже в Вене, его научной работой руководил крупный ученый академик Ягич. Брок специа-

лизировался как фонетист и диалектолог. После 1895 года молодой ученый успешно выполнил ряд самостоятельных научных исследований. Публикация полученных результатов в академических изданиях в Германии и Австрии сделала его имя известным в научном мире. Признание способствовало тому, что уже в 1902 году Брока пригласила к сотрудничеству Петербургская Академия наук. Отсюда берут начало его полевые исследования и академические публикации в России. Успешное начало научной карьеры позволило Броку в родном университете (в Христиании) стать ведущим специалистом по славянским языкам. В 1900 году он в 33 года (!) получил профессорскую кафедру славянских языков, которую бессменно занимал до своей отставки в 1937-м.

Однако, как выше отмечено, интересы ученого выходили далеко за рамки узконаучных штудий. На родине Брок завоевал прочную репутацию «русофила» и знатока России. Его экспертными услугами пользовалось норвежское правительство. Знаменитый Ф. Нансен на протяжении многих лет был дружен с профессором-славистом и нередко консультировался с ним, когда речь шла о России. В письмах русским друзьям Брок не без гордости писал, что в норвежской столице ему дали прозвище «славянского посла в Христиании»⁸. Он неоднократно подчеркивал, что считает Россию своей «второй родиной», беды и радости которой он воспринимает близко к сердцу, так же как и несчастья своей настоящей отчизны. Трогательная и многоговорящая деталь — Брок бывал рад, когда друзья в переписке именовали его Олафом Ивановичем. Много раз ученый по разным поводам выступал в норвежской печати со статьями, разъясняющими соотечественникам положение России и ее политику. Его публичные лекции пользовались известностью в Христиании, Бергене и Тронхейме, где аудиторией были студенты, журналисты, слушатели военной академии и представители деловых кругов. Наконец, Брок завоевал известность и как переводчик впервые изданных на норвежском языке произведений Л.Н. Толстого (в 1911 году — «Анна Каренина») и Ф.М. Достоевского (в 1915 году — «Братья Карамазовы»). Из его письма следует, что в 1912 году он вел в Христиании занятия с группой народных учительниц из России. Их поездку организовали петербургские Нобели.

Казалось, при таких обстоятельствах исследователи не должны обойти вниманием столь значительную для нашей общей истории личность и должны дать оценку его многогранному вкладу в русско-норвежские общественные связи. Парадокс заключается в том, что его «прорусская» работа в период существования «старой России», а затем эпоху революции

ни у нас, ни в Норвегии так и не нашла адекватного освещения и исследовательской оценки. Это на первый взгляд странное явление имеет свои причины. Главная из них заключается, по всей видимости, в том, что Брок, человек прогрессивных, демократических, но отнюдь не революционных убеждений, тесно связал себя с той либеральной Россией, которая в годы революции 1917 года и Гражданской войны потерпела жестокое политическое и идейное поражение. В результате она сошла с политической сцены и впоследствии растворилась в эмиграции.

Брок поддерживал дружеские связи со многими русскими дипломатами (консулы В. А. Березников, О. О. Визель и посланник С. В. Арсеньев), а также с посещавшими Норвегию русскими учеными (например, с академиком Ф. Н. Чернышевым). Но особенно он сблизился с российским посланником К. Н. Гулькевичем в 1916–1917 годах. Их дружба и сотрудничество окрепли в период Первой мировой, а затем Гражданской войны, когда последний стал играть заметную роль в Белом движении. В 1918–1920 годах Брок по совету Гулькевича участвовал в Норвегии в деятельности Центросоюза (заграничного союза русских кооператоров, оппозиционного большевикам). Формально это было коммерческое, а не политическое учреждение. Центросоюз, тем не менее, обладая за границей кадрами специалистов, финансовыми и материальными средствами, экономически обслуживал области, где установилась власть белых, прежде всего на Севере и в Сибири.

Приход большевиков к власти оборвал многие старые связи норвежского профессора. После окончания Гражданской войны другом для новой Советской России Брок не стал, да и не мог стать. Советская власть и коммунистическая идеология оставались для него, буржуазного демократа и либерала, глубоко чуждыми. С началом нэпа он, как и многие русские эмигранты, связывал надежды на постепенное возвращение России на «цивилизованный» путь. В ожидании лучших времен ученый старался сохранить научные связи с нашей страной. В 1920-х Брок дважды приезжал в СССР для работы в архивах, а еще для того, чтобы понять, что происходит в нашей стране.

По итогам своей первой поездки в 1923 году в разоренную Гражданской войной Советскую Россию он написал книгу, в которой резко отозвался о ее политической системе⁹. Книга вышла двумя изданиями (в 1923 и 1924 годах) в Осло, а также в шведском переводе в 1924 году в Стокгольме и по-французски в 1925-м в парижском журнале “Correspondant” (Т. 298, 299)¹⁰. В итоге советские дипломаты постарались не допустить приезда критически настроенного ученого в 1925 году в СССР на 100-летний юби-

лей Академии наук. В печати его бранили, называя «белогвардейским профессором». В результате Брок и сам объявил об отказе присутствовать на «политическом празднике».

Тем не менее ввиду большого авторитета ученого в академическом мире и заинтересованности в добрососедских отношениях с Норвегией (то есть по политическим мотивам) скандал постарались замять. АН СССР вскоре избрала Брока своим иностранным членом-корреспондентом¹¹. Советский полпред А.М. Коллонтай помогла организовать его новую научную поездку в нашу страну в конце 1920-х годов.

На фоне широкого дипломатического признания СССР и взаимной заинтересованности ученых в налаживании контактов сформировалась более благоприятная рабочая обстановка. В августе 1928 года в Осло состоялся VI Международный конгресс исторических наук, на который были приглашены советские ученые. В мае того же года Брок прибыл в Советский Союз как официальный представитель Северного общества — организации историков, которая была учреждена в марте в Стокгольме по инициативе шведских, датских и норвежских ученых для изучения советских архивов в части взаимоотношений Скандинавских стран с Россией. В состав руководства вошли известные скандинавские ученые: профессора О. Брок (Норвегия), О. Фрис (Дания) и Э. Карлссон (Швеция), молодые шведские историки К.Ф. Пальмштерна и Б. Андерсен, а также ряд других исследователей. Брок успешно провел в Москве переговоры об организации систематической работы иностранных исследователей в советских архивах¹².

Он лично получил возможность изучать документы «Новоромановского архива» в читальном зале Архива Октябрьской революции. Его внимание также привлекли материалы о приграничных отношениях России и Норвегии на Севере¹³.

Но через без малого четверть века, в 1949 году, в разгар «холодной войны», Брок с политическим скандалом был исключен из АН СССР. По поводу причины исключения в записке агитпропа ЦК КПСС говорилось: «Президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов и академик-секретарь Академии Н.Г. Бруевич просят разрешения внести на рассмотрение ближайшего общего собрания Академии наук СССР вопрос о лишении звания члена-корреспондента АН СССР норвежского ученого Олафа Брока за его клеветническую и враждебную Советскому Союзу деятельность. Предложение президиума Академии наук следовало бы принять. В последнее время Олаф Брок начал сотрудничать в реакционной газете “Моргенбладет” <...> По заданию редакции <...> Олаф Брок в антисоветском духе комментирует ста-

тью из советских газет и журналов, а также правительственные решения, выступления советских государственных деятелей и ученых. В одной из статей Брок скорбит о “погибшей” демократии в Чехословакии...»¹⁴

Нетрудно догадаться, что после таких событий фигура О. Брока для советских историков и научных изданий оказалась надолго табуирована. Прошло время. Сегодня личность Олафа Брока, искреннего друга России, представляется нам весьма значительной и до сих пор недооцененной. В истории русско-норвежских культурных и общественных связей начала XX века он сыграл видную, но, увы, пока весьма малоизученную роль. Он интересен не только как ученый-славист, популяризатор русского языка и литературы, но и как активный общественный деятель, демократ и гуманист (при всех его противоречиях и некоторой ограниченности). Поэтому, на наш взгляд, он заслуживает общей памяти и серьезных исследований историков.

* * *

¹ *Mathiassen T., Kjetsaa G.* A centenary of Slavic studies in Norway // The Olaf Broch Symposium: papers. Oslo, 12–14 September 1996. (1998).

² См., например: *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб., 1907; *Он же.* Очерк физиологии славянской рѣчи // Энциклопедія славянской филології / под ред. И.В. Ягича. СПб., 1910. Вып. 5; *Он же.* Slavische phonetik. Heidelberg, 1911; *Он же.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

³ Олаф Брок (норв. Broch Olaf; 4 августа 1867, Хортен, Норвегия — 28 января 1961, Осло, Норвегия).

⁴ NBiO. Brevs. № 337 (Olaf Broch).

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 346. Алексей Александрович Шахматов. Д. 13. (Из воспоминаний об А.А. Шахматове).

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 134. Оп. 3. Д. 186.

⁷ Norsk biografisk leksikon (NB)L.

⁸ СПбФ АРАН Ф. 134. Оп. 3. Д. 186. Л. 441 об.

⁹ “Proletariatets diktatur” (1923).

¹⁰ «Мы не нищие...»: к истории 200-летнего юбилея Российской академии наук (из дневника Е.Г. Ольденбург) / публ. М.Ю. Сорокиной. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/diary/Oldenburg.htm> (дата обращения: 22.03.2013).

¹¹ Впервые Олаф Брок был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук в декабре 1916 года.

¹² *Ковчинская С.Г.* Работа скандинавских историков в советских архивах в 1927–1933 годах: из истории международных научных связей. URL: <http://cua.karelia.ru/report31.doc> (дата обращения: 2.04.2013).

¹³ Там же.

¹⁴ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 210–213.